

Каждый вид памятников имеет свой типичный для него вид глосс и интерполяций, вызванный самим характером материала.

Так, сочинения повествовательно-исторические часто имеют интерполяции из других памятников, описывающих тот же сюжет. Интерполяции эти делаются для полноты освещения событий и связаны иногда с отбрасыванием более короткого текста ради замены его более пространным и более полным.

В сочинениях исторических и географических части глоссы и интерполяции, разъясняющие неясные для русского читателя места текста: исторические имена, названия должностей, местностей и пр.

В ветхозаветных библейских текстах толкования имеют обычно цель провести параллель между явлениями Ветхого завета и Нового, усмотреть в первых прообраз вторых и иногда обличить иудеев и инакомыслящих. Интересные примеры таких глосс и интерполяций приводит В. Лебедев в своем труде о славянском переводе книги Иисуса Навина¹. Занимают эти вставки от 4 до 50 строк и заканчиваются обычно словами: «Мы же на предлежащее да възвратимся» или «но яко же рече писание бытейское».

Интересные разъяснения отдельных слов даются, например, в переводе князя А. Курбского «Богословия Иоанна Дамаскина»: «пифиги» — «обезьяны», «кометы — звезды хвостатые, ибо тем подобные», «центрум есть точка малая среди самые земли», «с стихий — с элементов», «дроконы — змеи великие». Поясняются и самые явления. Так, к словам текста «и облаки рождаются нисходящи сладкой (пресной. — Д. Л.) воде» читаем следующее пояснение: «Сладкая вода из моря, вытягиваемая от солнца, обращается во мглу (облако. — Д. Л.), которая приидет в среднюю часть воздуху, — тако от студени аера (воздуха. — Д. Л.), згущается, и разтопляется от солнца, альбо от других звезд, и бывает дожь» (л. 18)².

Глоссы в переводе «Богословия» сочетаются с интерполяциями из «Сказания» Андрея Кипрского.

В целом глоссы и интерполяции дают очень ценный материал для суждения о лингвистических, исторических, богословских и естественнонаучных познаниях эпохи.

Установление личности переводчика и задач переводчика

Установить личность переводчика и оригинал, с которого непосредственно делался перевод переводчиком, в древней русской литературе бывает очень нелегко. Такие случаи — чрезвычайная редкость. Это отчасти

¹ В. Лебедев. Славянский перевод книги Иисуса Навина по сохранившимся рукописям и Острожской библии. С. 210—220.

² А. Полов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. С. 99—119.

удалось В. П. Адриановой-Перетц в отношении переводов «Жития Алексея». Первый переводчик — это Арсений Грек. Его перевод «Жития Алексея Человека Божия» вошел в напечатанный в Москве в 1660 г. сборник «Анфилогион». Путем тщательного анализа перевода В. П. Адриановой-Перетц удалось установить, что перевод сделан с венецианского издания XVII в.: *Βιβλίον Ἐκλόγου* (первое издание вышло в Венеции в 1644 г.). Кроме того, В. П. Адрианова-Перетц тщательно проанализировала самую переводческую манеру Арсения Грека и установила близость этой манеры в переводе «Жития» с другими переводами Арсения Грека. Далее В. П. Адрианова-Перетц проследила дальнейшую судьбу этого перевода и, в частности, его использование в болгарском сборнике «Дамаскин» 1760 г. Весь круг вопросов, связанных с этим переводом, был разрешен В. П. Адриановой-Перетц¹.

Не менее тщательно исследован был В. П. Адриановой-Перетц и составитель другой редакции «Жития Алексея» — Дмитрий Ростовский, включивший это житие в свои Четыри Минеи. Резюмируя свое исследование редакции «Жития», принадлежащей Дмитрию Ростовскому, В. П. Адрианова-Перетц пишет: «Произведенный нами анализ жития св. Алексея в редакции св. Дмитрия Ростовского показал, что, сохранивши схему жития по типу Макарьевской Минеи, наш автор дополнил его по переводам Арсения Грека и *Piotra Skargi*. Латинские сборники житий святых — Сурия и болландистов — послужили ему, видимо, для проверки фактических данных славянских житий, поэтому оттуда он взял лишь некоторые детали... В результате такой сложной работы над многочисленными источниками св. Дмитрием Ростовским создана для его Четырех-Миней новая редакция жития св. Алексея, которая представляет собой искусную компиляцию. Составитель ее умело спаял отдельные части разнообразных версий жития и сгладил резкие отличия их стиля, перефразируя местами текст своих источников»².

Если невозможно точно установить, кто был переводчик, то полезно бывает извлечь из перевода черты, которые могут быть характерны для переводчика.

Внимательное исследование переводческих приемов (передачи тех или иных иностранных слов, синтаксических оборотов, степень близости к оригиналу и характер отступлений, круг употребляемых стилистических оборотов и пр.) позволяет определить переводческую школу, атрибутировать те или иные переводы одному переводчику.

Так, например, И. Евсеев в своем исследовании книги пророка Исаии определил, что перевод «Паримииника» и перевод «Толковых пророчеств» сделаны с совершенно различных греческих оригиналов и в различной манере. При этом И. Евсеев обращает внимание на передачу наиболее характерных особенностей речи — союзов, предлогов и частиц, на особенности лексического состава, на различия в передаче греческих форм и словосочинений,

¹ В. П. Адрианова. Житие Алексея Человека Божия. С. 107–114.

² Там же. С. 120–121.

а также на умение переводчика справляться с отдельными синтаксическими трудностями оригинала.

Далее, И. Евсеев обращает внимание на взаимоотношение обоих переводов: часто текст одной редакции повторяется в другой с буквальной точностью. Исследование этих совпадений позволяет И. Евсееву установить, что «Толковые пророчества» следовали в этих совпадениях за «Паримийником». Тем самым доказывается большая древность перевода «Парамийника» сравнительно с переводом «Толковых пророчеств».

И. Евсееву удалось на основании внимательного анализа переводов создать своеобразные «портреты» обоих переводчиков.

«Перевод паримийный, — пишет И. Евсеев, — принадлежит перу человека, сведущего в смысле пророческих писаний, хорошо знакомого с греческим и славянскими языками и приобретшего навык в удачном подборе богословских выражений. Переводчик этот умеет точно, почти буквально, выдержать смысл оригинала и в то же время не подчиниться оригиналу до забвения своей особности. Разумеется, близость или, лучше сказать, непосредственное неотразимое влияние греческого оригинала не осталось без всяких последствий: в переводедержано множество греческих слов..., которые в редакции “Толковых пророчеств” — очень строгой по части чистоты славянского языка — переданы по-славянски. Но нужно помнить, что перевод паримийный... предполагает очную ставку младенчествующего славянского языка с богатейшим из языков греческим, и притом в такой области, которая открывалась славянскому народу впервые.

Не то с редакцией “Толковых пророчеств”. В переводе здесь виден не опытный богослов, а малосведущий книжник, не освоившийся, как следует, ни с духом писания, ни с языком своего оригинала. В нем видно еще наивное, непосредственное отношение к букве писания, которое не позволяло ему ни на шаг уклониться в сторону от своих соображений. И это ясно в особенности из переводов его в таких местах, которые отличаются или сильною выразительностью, или тонкостью понятия. Переводчик “Парамийника” в таких случаях, где то или иное слово могло бы оскорбить чувство приличия или вызвать неприятное представление, старался смягчать выражение, и это ему удавалось...

Чувство приличия и благочестивой набожности древнейшего переводчика книги Исаии (т. е. редакции «Паримийника». — Д. Л.) соединяется с такой осторожностью, что все понятия, соединявшиеся с отвергнутым в христианстве языческим миросозерцанием, он, по мере возможности, обходит и заменяет другими, причем то оставляет их без перевода, то счастливо пользуется новообразованиями, то берет слова чужестранные, ставшие уже близкими славянскому уху и давно соединенные с христианским значением¹.

Далее И. Евсеев подробно анализирует степень понимания обоими переводчиками священного писания, общий уровень их понятий — религиозных,

¹ И. Евсеев. Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе, ч. 1. СПб., 1897. С. 10–11.

семейных, общественных, понятий в области знания природы, исследует неточности, стремление приблизить к своим понятиям неясное и степень «национализации» содержания. Особый интерес представляет его анализ латинизмов в обоих переводах.

На основании подробного сравнительного исследования обоих переводов И. Евсееву удалось установить, что перевод «Паримийника» близок первой редакции перевода Евангелия, Апостола и Псалтири, т. е. кирилло-методиевской¹.

Нередко о переводчике можно узнать — был ли он хорошо осведомлен в предмете своего переводного сочинения. Так, переводчик «Истории завоевания Китая татарами» Мартиниуса сделал в тексте перевода мелкие сокращения, а также крупные и мелкие дополнения, из которых видно, что он хорошо знаком с Китаем и Монголией и с историческими событиями в этих странах в середине XVII в. (переводчик русский, перевод сделан в 1677 г., что видно из хронологических указаний: «1600, тому ныне 77 лет» и др.)².

Очень важный вопрос, который обычно не ставился в старых исследованих переводных памятников, но который интересует советских исследователей все больше и больше, — это вопрос о том, для чего сделан перевод, т. е. в интересах какого класса или какого сословия он делался, каким потребностям эпохи он ответил, кто были читатели перевода и т. д. Такой именно вопрос ставит М. А. Салмина в своем исследовании весьма интересного историософского переводного памятника «О причинах гибели царств»³. Дав обстоятельный анализ содержания и языка памятника, М. А. Салмина делает предположение, что памятник этот скорее всего был распространен в слоях господствующего класса и выполнен был в интересах консервативной оппозиции центральной государственной власти. Аргументы М. А. Салминой охватывают не только самое содержание памятника, но учитывают язык его (указывающий на происхождение из среды Посольского приказа), сложность его изложения, которое могло быть непонятным для малообразованного демократического читателя, и судьбу отдельных списков памятника: памятник был в библиотеке Петра, Голицыных, отбирался при обыске у старообрядцев и т. д.

До какой степени сложности доходит текстологическая история переводных памятников в зависимости от меняющихся обстоятельств, видно хотя бы на примере «Синодика в неделю православия», исследованного целым рядом крупнейших ученых (Ф. И. Успенским, Е. В. Петуховым, М. Г. Попруженко,

¹ И. Евсеев. Книга пророка Исаи. С. 20–21.

² См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. С. 93.

³ М. А. Салмина. «О причинах гибели царств», сочинение начала XVII века.

В. А. Мошиным и многими другими). Подытоживая данные своего кропотливого исследования, В. А. Мошин пишет: «Дошедшие до нас славянские тексты — русские, болгарские и сербские — не представляют постепенную эволюцию одного основного перевода греческого Синодика, а зависит от разных греческих редакций и списков своего времени. Вместе с тем славянские тексты имеют и взаимные соответствия, свидетельствующие, что при переводе той или иной редакции с греческого принимались во внимание и существовавшие до того славянские списки»¹.

Сложная текстологическая история славянских Синодиков охватывает время с X в. и включает появление старославянского перевода, его перехода на Русь и в южнославянские страны, составление новых и новых редакций, при которых перевод и состав произведения подвергались выверке по новым греческим текстам, переходы отдельных редакций из одной славянской страны в другую и их использование в новых редакциях, пополнения, сокращения, переделки плана и т. д. Каждая из редакций составлялась в определенной исторической обстановке и отвечала задачам, которые стояли перед определенными церковными и государственными центрами. Среди причин, вызывавших к жизни новые редакции Синодика, могут быть отмечены различные этапы борьбы с ересями, антицерковными движениями, борьбы между собой различных церковных центров, перемены политической обстановки в связи с турецким завоеванием южнославянских областей, общекультурные движения и взаимовлияния славянских стран и т. д.

Итак, древнеславянские переводы — это не единовременный акт. Жизнь переводных произведений так же длительна, как и жизнь оригинальных, но она еще более сложна, поскольку в ней, кроме обычной жизни текста, особую роль играет соотношение с тем иноязычным текстом, с которого перевод сделан.

¹ В. А. Мошин. Сербская редакция Синодика в неделю православия. Анализ текстов. — Византийский временник, т. XVI. М., 1960. С. 392.